

Глава 2. Хочу в комедианты!

[Уважаемые пассажиры! Наш поезд прибывает на станцию Имперской столицы. Просим вас заранее собрать свои вещи и подготовиться к выходу...]

Под звуки вокзального радио семнадцатилетний Цинь Фань очнулся на своём месте.

Он сонно потёр лицо, пытаясь окончательно прогнать остатки дремоты. Надо же, приснится же такое — будто он уже стоит на сцене и читает сяншэн!

Цинь Фань взглянул в окно на проносящиеся мимо небоскрёбы и невольно улыбнулся. Наконец-то. Он всё-таки выбрался. Оставил позади родной уезд на северо-востоке, попрощался с приёмными родителями, братом и сестрой — и вот он здесь, в самом сердце Имперской столицы. В душе не было ни капли грусти, лишь странная, необъяснимая лёгкость.

С глухим стуком поезд замер. Поток людей подхватил юношу, и вскоре он, обвешанный сумками и узлами, оказался на перроне.

Застыв посреди привокзальной площади, Цинь Фань во все глаза смотрел на огромный мегаполис, который казался во сто крат величественнее его крошечного городка. Сердце бешено колотилось от восторга. С этого дня он сам себе хозяин. Он будет жить так, как велит сердце, и исполнит свою давнюю мечту — станет мастером сяншэн!

Впрочем, насладиться моментом триумфа ему не дали. Его тут же окружила плотная стайка зазывал — мужчин и женщин средних лет, наперебой галдящих на характерном пекинском говоре.

— Парень, тебе куда? Садись, с ветерком докачу!

— Жильё нужно? У нас всего двадцать пять юаней за ночь, дешевле не найдёшь!

— Вижу, родственников ищешь? Запрыгивай в машину, отвезу по-соседски, копейки возьму!

Цинь Фань опешил, но тут же усмехнулся про себя. Надо же, какие жители Имперской столицы «гостеприимные».

Ему даже стало любопытно: он стоял и с интересом слушал их соловьиные трели, изредка кивая. Будь у него современный телефон, он бы непременно запечатлел этот колоритный балаган на память.

Зазывалы, почуяв интерес, затараторили ещё бойчее. Одна женщина уже было протянула руку, собираясь потащить парня к своему фургону, но Цинь Фань наконец подал голос:

— Извините, дядюшки и тётушки, меня друзья сейчас заберут.

Толпа замерла. Услышав, что клиент «схвачен», они мгновенно утратили к нему всякий интерес. Кто-то разочарованно сплюнул, а кто-то и вовсе разразился руганью:

— Чего ж ты молчал, обормот? Только время наше зря потратил!

— И не говори! Тьфу!

Они тут же рассосались, переключая внимание на другого незадачливого туриста.

Цинь Фань лишь покачал головой. Хотя он никогда раньше не уезжал далеко от дома, парень был не промах — всё-таки закончил старшую школу и частенько смотрел новости. В них то и дело предупреждали: никогда не садитесь в случайные машины на вокзалах. Во-первых, небезопасно, а во-вторых, если возникнет спор о цене, приезжому правды не добиться. Хоть Имперская столица и «у подножия трона Сына Неба», но бережёного бог бережёт.

Он поставил тяжёлые сумки на землю и выудил из кармана смятый клочок бумаги. На нём был от руки набросан маршрут автобусов — результат тайной вылазки в интернет-кафе.

Целью его путешествия был самый знаменитый в стране коллектив сяньшэн — «Зал Счастья и Праздника» — Цзицин-тан!

Ещё несколько дней назад, случайно наткнувшись на запись выступления в сети, Цинь Фань узнал новость, которая перевернула его мир: «Зал Счастья и Праздника» впервые за пять лет объявляет набор учеников.

Цинь Фань, с детства влюблённый в это искусство, не мог упустить такой шанс.

Название «Зал Счастья и Праздника» на первый взгляд казалось слишком легкомысленным для театральной труппы. Но для тех, кто знал историю, в этом имени крылось нечто родное и близкое.

Ещё в конце эпохи Цинь двое бродячих артистов — Господин в красном и Девять цветов, чьи настоящие имена давно канули в лету, — заложили основу этого театра. В те времена они не выступали на рыночных площадях Тяньцзяо, а кочевали с оперными труппами по богатым домам.

Опера была в почёте, но всегда находились те, кому классическое пение казалось скучноватым. Чтобы угодить всем гостям, в перерывах между актами артисты выходили на сцену с короткими шуточными диалогами. Пара анекдотов, меткое словцо — и вечер удался!

Со временем слава дуэта росла, и они решили основать собственную школу. Годы, проведённые в оперных труппах, дали о себе знать: своё детище они назвали «Цзицин», что значит «Благополучие и радость». Название идеально подходило для их ремесла, ведь выступать их звали чаще всего на свадьбы, юбилеи и прочие торжества, которые в народе именовали «красными делами».

Нынешний «Зал Счастья и Праздника» шагал в ногу со временем. Сяншэн в их исполнении стал современным и близким каждому, а сами актёры заметно помолодели — время суровых стариков-традиционалистов ушло в прошлое.

Теперь театр занимался не только комедийными диалогами. Они ставили спектакли, снимали кино, а некоторые именитые артисты даже пробовали себя в модельном бизнесе. Искусство сяншэн внезапно расцвело всеми цветами радуги.

В этой школе можно было не только учиться у признанных мастеров, но и, при наличии яркой внешности, получить прямой билет в шоу-бизнес — ведь у театра была собственная продюсерская компания. Неудивительно, что новость о наборе всколыхнула всю страну и попала в топы развлекательных новостей. Сотни молодых людей со всего Китая ринулись в столицу.

Цинь Фаню было плевать на славу кинозвёзд. Он просто хотел выходить на подмостки и овладеть четырьмя навыками: говорить, подражать, дразнить и петь. Он и сам не знал, откуда в нём эта одержимость, просто чувствовал — это его путь.

Доверившись своей карте и подсказкам словоохотливых жителей Имперской столицы, Цинь Фань забрался в нужный автобус.

В салоне его встретил спасительный холод кондиционера, мигом сдувший дорожный жар. Глядя на опрятную кондукторшу в униформе, юноша ловил себя на мысли, что всё вокруг кажется ему удивительным. Он замер в предвкушении перемен.

Автобус мерно покачивался, пробираясь сквозь столичный трафик. Путь занял полтора часа — Имперская столица оказалась поистине необъятной.

Цинь Фань не скучал ни секунды. Он прилип к окну, впитывая виды летней Имперской столицы. Солнечные блики играли на стеклянных фасадах небоскрёбов, мимо проносились стильно одетые люди. Грандиозное полотно мирового мегаполиса медленно разворачивалось перед его глазами.

Парень довольно ухмыльнулся. Правду говорят: «Прочесть десять тысяч свитков — не то же самое, что пройти десять тысяч ли». Он не зря сорвался с места.

Сделав несколько пересадок, он наконец покинул шумные кварталы из стекла и бетона и оказался на улице, дышащей стариной. Было уже начало второго дня.

Почувствовав, как в животе заурчало, Цинь Фань притормозил у лотка и купил цзяньбин — блин с начинкой. Хрустящая золотистая корочка, нежное тесто, ароматная сосиска... От первого же укуса он зажмурился от удовольствия. Столичный деликатес не шёл ни в какое сравнение с той безвкусной стряпнёй, что продавали у него в школе.

Расправившись с блином в три укуса, он даже облизал пальцы, за что поймал на себе пару снисходительных улыбок прохожих. Цинь Фань не смутился, а лишь лучезарно улыбнулся в ответ, заставив насмешников отвести глаза.

Подхватив вещи, он зашагал вглубь улицы. Впереди уже маячило самое заметное здание — старинная трёхэтажная постройка с характерным обликом классического театра. Это и был оплот «Зала Счастья и Праздника».

Остановившись у входа, Цинь Фань задрал голову.

Мощные красные колонны, изогнутая черепичная кровля, по бокам покачиваются красные фонари. Прямо над дверью висела тяжёлая табличка, на которой уверенными мазками кисти было выведено: «Зал Счастья и Праздника».

Сердце предательски ёкнуло. Вот оно, место его грёз.

Тяжёлые резные двери были плотно закрыты. Цинь Фань помедлил мгновение, пытаясь унять дрожь в руках, и постучал.

Тишина. Он постучал снова, настойчивее. Прошло немало времени, прежде чем за дверью послышались шаги.

Створка приоткрылась, и на пороге показался мужчина средних лет. Не дав парню и рта раскрыть, он буркнул:

— Спектакль в восемь вечера. Артистов ещё нет, вы слишком рано, уважаемый.

Он уже собирался закрыть дверь, но Цинь Фань успел вставить слово:

— Дядюшка, постойте! Я не на представление. Я пришёл записаться на прослушивание.

Мужчина замер, а затем с сочувственной усмешкой покачал головой:

— Опоздал ты, парень. Набор закрыт.

— Как это?! — Цинь Фань похолодел. — В объявлении сказано — три дня! Сегодня же только

второй!

— Набрали нужных людей, вот и свернулись пораньше. Ты не представляешь, сколько народу вчера набежало. За первый же день все места заняли.

Мужчина вздохнул. «Зал Счастья и Праздника» сейчас на таком пике популярности, что желающие лезли в окна. Кто ж на второй день-то приходит? К шапочному разбору...

— Прошу вас, я очень хочу учиться! Дайте мне хоть один шанс! — Цинь Фань сжал кулаки, в его голосе звенело отчаяние.

Дядюшка окинул взглядом юношу с его нехитрым скарбом и спросил:

— А в опере ты силён? Или, может, в сказительстве под барабан? Знаешь какие-нибудь традиционные жанры?

Цинь Фань растерянно моргнул.

— Нет... Но разве это обязательно для сяншэн?

Мужчина хмыкнул:

— Эх, парень... Видать, историю-то ты плохо знаешь. У нас в «Цзицин-тане» абы кого не берут. Нам нужны многопрофильные таланты, чтобы и шутить могли, и оперную партию вытянуть. В этот раз набирали только тех, у кого уже есть база.

Цинь Фань застыл, не в силах пошевелиться. Какая база? Он был просто мальчишкой, сбежавшим из дома от вечных побоев и криков...

Увидев, как он помрачнел, мужчина лишь сокрушённо вздохнул и закрыл дверь. За эти два дня он навидался таких драм вдоволь.

Цинь Фань остался стоять у закрытых дверей. Огонь, горевший в его груди, погас, сменившись пустотой.

<http://bllate.org/book/17504/1648460>